

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455. 2006.

1. История СССР. Эпоха социализма / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1985; Сталин – Хрущев – Брежнев: Проблема политического лидерства в советском обществе // Общественные науки. 1989. № 1; На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990; Мунчаев Ш.М., Устинов В.В. История России. М., 2000; Маркова А.Н., Скворцова Е.М., Андреева И.А. История России. М., 2001.
2. Верт Н. История советского государства. 1900-1990 гг. М., 1992; Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1-2. М., 1995.
3. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. М., 1995; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия. XX век. М., 2000; Выбор пути. История России. 1939-2000 / Под ред. А.Т. Тертышного. Екатеринбург, 2001.
4. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Афанасьева. М., 1997.
5. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991 гг. М., 1998; Земцов В. Крах эпохи. М., 1999.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Суржикова Н.В.
(Екатеринбург)

**Реалии плена 1914-1917 гг. в контексте
трансформаций власти и общества
(на материалах Уральского региона)**

Вплоть до конца XX в. иностранные военнопленные, поневоле оказавшиеся на территории России в результате Первой мировой войны, в качестве самостоятельного объекта исследования практически не изучались, равно как и институции, порожденные практикой плена. Концентрация научного интереса вокруг героических страниц революционной борьбы пленных породила обширную историографию о воинах-интернационалистах (1), в которой реалии плена обозначены весьма избирательно.

Представления советской исторической науки о роли пленных иностранцев в революционном движении в России, изрядно «заболоченные» атаквистическими идеологизмами, подверглись в последние годы серьезной корректировке (2). Современные авторы, по сути, наполнили эту проблему иным содержанием, показав, что русский плен во многом был отражением системного кризиса империи, отчетливо обозначившегося на фоне затянувшейся войны.

Интегрирующим фактором для специальных исследований ретроспективной проблематики стало позиционирование плена как некой динамики

конкретно-исторических феноменов и как сегмента универсального опыта человечества одновременно. Внушительность территориальных пределов страны априори исключала однородность реалий военного плена на местах. Думается, именно по этой причине отечественные историки пошли по пути «провинциализации» научного поиска (3). Множественность пространственного контекста, создающая иллюзию замыкания исследовательских усилий в узких регионально ориентированных рамках, на самом деле более или менее успешно препятствует схематизации картины прошлого. Одной из ее вариатив стала уральская составляющая плена Первой мировой войны, отличная от прочих в силу специфики местного хозяйственного организма.

По подсчетам М.А. Фельдмана, с началом войны уральская промышленность лишилась $\frac{1}{3}$ рабочих кадров (4). Уже в августе — октябре 1914 г. «о желании принять ... на работы» порядка 2,6 тыс. военнопленных заявило управление Богословского горного округа, 2,5 тыс. — Западно-Екатеринбургский горный округ, 2-х тыс. — Гороблагодатский горный округ, 1,5 тыс. — Камское акционерное общество, 1,04 тыс. — Чердынский горный округ, 0,8 тыс. — горный начальник Златоустовских заводов, 0,75 тыс. — администрация Северо-Екатеринбургского округа, более 0,8 тыс. — Южно-Екатеринбургский округ (5).

К концу 1915 г., по данным Центрального военно-промышленного комитета, на предприятиях края работало не менее 24 тыс. пленных иностранцев, по данным Совета Съездов горнопромышленников Урала — около 25 тыс., или 17,4 % общей численности рабочих региона (6).

С началом 1916 г. статистика обращения военнопленных на работы продолжала прогрессировать. Выборочный анализ трудового фонда уральских предприятий показал, что на 1 января 1916 г. 50 хозяйствующих субъектов края использовали труд 16879 военнослужащих неприятельских армий. К 1 апреля того же года сопоставимую цифру в 15029 чел. давали уже всего 15 производств (7).

К лету 1916 г. статистика уральского плена значительно выросла, достигнув более чем 50-тысячного показателя (8). Удельный вес пленных в экономически активном населении Урала приблизился к 30-процентной отметке, а в отдельных производствах превысил долю отечественных рабочих. К таковым, например, относились «владения» Богословского горного округа, где из 33 тыс. рабочих русских было 12 тыс. при 17 тыс. пленных и 4 тыс. китайцев и корейцев (9).

То, что главным «потребителем» пленных на Урале была промышленность, конфигурации которой определялись в основном горно-металлургической отраслью, серьезно отличало местную ситуацию с распределением рабочих рук от общероссийской тенденции. Последняя заключалась в более высокой концентрации отвоёванных солдат противника в аграрном секторе, который в 1916 г. поглотил свыше 640 тыс.

пленных, или 57,4 % от общего числа распределявшихся, тогда как Министерству торговли и промышленности было выделено 200 тыс. чел. (17,9 %), а Министерству путей сообщения — около 140 тыс. чел. (12,6 %) (10).

В 1917 г. численность пленных вражеских армий на Урале снова возросла. По архивным данным, к 9 сентября 1917 г. только негосударственные заведения Пермской губернии использовали труд 62,1 тыс. военнопленных (11). Тенденция рутинизации обращения вражеских военнопленных на работы стала реальностью, что предотвратило сокращение производства и его возможное замораживание.

Формирование в регионе заметной «армии» поверженных неприятельских военнопленных потребовало дополнительной регламентации условий их содержания. 27 и 28 июля 1915 г. были подписаны обязательные постановления о пленных, занятых в частных промышленных предприятиях и крестьянских хозяйствах Пермской губернии. Принятые в развитие норм общероссийского законодательства, эти документы обязывали пленных добросовестно трудиться и беспрекословно подчиняться всем требованиям властей. Ограничивались «не вызываемые деловой надобностью и житейским обиходом» контакты иностранцев с русскими. Ответственность за материально-бытовое положение вражеских военнопленных возлагалась на использующие их организации, и оговаривалось, что пленные не в праве предъявлять администрации каких-либо претензий (12).

В период массового поступления военнопленных на Урал обнаружилось, что к их приему край был готов лишь относительно. Актуальнейшей проблемой стала нехватка помещений, что заставило спешно приспособлять под жилье имевшиеся строения и возводить новые. Так, в Екатеринбурге пленных временно поселили в Харитоновском саду, в зданиях Вознесенской и Гоголевской школ, на территории нового Гостиного двора, а позже — в Верх-Исетском народном доме-театре. Безусловно, больше повезло пленным, переданным в заводские предприятия, где быт рабочих был более или менее организован. В частности, в Златоустовском горном округе условия проживания военнопленных и местных рабочих сразу определялись как аналогичные: в куренях тем и другим отводились бараки, при углевыжигательных печах — казармы (13).

Практически нерешаемой была задача изоляции пленных иностранцев от обывателей, что порождало новые трудности. С начала 1915 г. местная печать буквально запестрила — и небезосновательно — сообщениями об опасности распространения в регионе эпидемических заболеваний, завозимых вместе с пленными. 17 января в Пермь прибыло 523 турка, в числе которых 100 чел. болело, а 10 умерло в дороге от тифа. Всю партию отправили в село Верхние Муллы, где к 20 марта заболел 221 пленный и 54 скончалось. При ликвидации эпидемии заразилось 30 чел. медицинского персонала и 11 служителей казачьей сотни, охранявшей пленных, из них 7 чел. погибло (14). Другой инфекционный взрыв разразился в Камышлове, где вскоре по-

сле доставки в город за медицинской помощью обратилось 47 турецких пленнх, четверо из которых умерло за сутки после госпитализации. К 6 февраля 1915 г. число скончавшихся достигло 46 чел. (15).

По статистике губернской земской управы, в 1915 г. инфекционными заболеваниями переболело 664 пленнх. В следующем 1916 г. настоящей напастью стала цинга. В Невьянске ее перенесли 200 чел., трое скончалось. В Верхотурье заболело 449 пленнх, из них 315 страдало цингой, от которой 60 чел. погибло (16).

Опасное соседство военнопленнх с местными жителями вынуждало военные и гражданские власти лихорадочно искать способы предотвращения эпидемий в регионе. По пути следования эшелонов с пленными создавались обсервационные и изоляционные пункты. В начале апреля 1915 г. начальник Пермской железной дороги приказом по линии распорядился пресекать любыми способами попытки покупки у военнопленнх каких-либо вещей во избежание распространения заразных болезней. К тому времени на ст. Екатеринбург-I уже соорудили три «заразных барака» для пленнх на 300 кроватей. В Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Оханском, Пермском и Соликамском уездах бараки устраивались за счет губернского земства, в Ирбите на его средства оборудовался специальный госпиталь на 210 коек (17).

На производствах, где были заняты военнопленные, их физические кондиции систематически отслеживались. Неспособные к работе выявлялись сразу по прибытии и возвращались местным военным властям. Так, летом 1916 г. администрация Богословской каменноугольной копи после медосмотра двух последних партий пленнх отказалась от 61-го чел. (18). Заболевшие или получившие увечье уже на месте пользовались общей больницей, которая специально для обслуживания пленнх дополнительно «истребовала» 2 австрийских врача и 5 фельдшеров. Позже сюда прибыли еще 2 доктора и 5 фельдшеров, работавшие на постоянной основе (19). Источники недвусмысленно указывают, что заинтересованность уральских промышленников в сбережении дефицитных людских ресурсов оказалась тем фактором, который фактически исключил вспышки эпидемических заболеваний среди отданных на предприятия региона военнопленнх, а также продемонстрировал преимущества медицины, основанной на производственном принципе, над медициной территориальной.

Что касается питания пленнх, то оно осуществлялось по специальным нормам, установленным централизованно. При этом на местах рацион питания мог значительно варьироваться. В Лысьвенском лесничестве одноименного горного округа пленный ежедневно получал хлеба черного и белого пополам — 3–4 фунта, мяса — 0,5–0,75 фунта, крупы — 24 зол., масла и сала — 2,5 зол., картофеля — 0,5 фунта, капусты — около 0,25 фунта, чая — 1 зол., сахару — 8 зол. На рудниках Кусье-Александровского завода

Лысьвенского горного округа суточная норма питания пленного составляла: хлеба белого — 0,75 фунта, хлеба черного — 2,25–2,75 фунта, мяса — 0,5–0,75 фунта, чая — 0,4 зол., крупы — 32 зол., гороху — 16 зол., крупчатки — 64 зол., масла — 2–3,25 зол., муки — 13 зол., картофеля — 3 зол., капусты — 0,5 фунта, сахара — 6,95 зол. (20).

В октябре 1916 г. в связи с назреванием экономического кризиса нормы питания пленным в России были уменьшены. Была узаконена практика устроительства дважды в неделю постных дней, равно как и замены мяса другими продуктами в остальное время (21). Во избежание неувязок в распределении провианта между населением и вражескими военнослужащими в июле 1916 г. пермский губернатор принял постановление, воспрещавшее пленным «производить покупку всякого рода съестных припасов в иные дни и часы, кроме установленных местным Обывательским Комитетом или заменяющим его учреждением, а равно покупать таковые припасы в количестве, превышающем устанавливаемые тем же порядком предельные нормы их отпуска неприятельским поданным» (22). В феврале 1917 г. запрет на бесконтрольное приобретение пленными продуктов на окрестных рынках наложил и командующий Казанского военного округа.

К концу 1916 — началу 1917 гг. практически на всех предприятиях Урала, где были заняты военнопленные, начались перебои в поставках провианта и предметов первой необходимости. В марте 1917 г. «хлебная» проблема стала причиной серьезного конфликта между пленными и заводоуправлением в Каслях. 300 чел., недовольные выдачей черного хлеба вместо белого, отказались от работ. Положение усугубили дошедшие до уральской глубинки известия о свершившейся в Петрограде революции. Полиция оказалась разоруженной, и прекратить забастовку удалось только с вмешательством уездного воинского начальника (23).

Осенью 1916 — весной 1917 г. на Урале было зафиксировано несколько аналогичных инцидентов. Стихийные по своему характеру, они в большинстве своем были следствием напряженной ситуации с материально-бытовым обеспечением пленным. В условиях стремительно нарастающей архаизации социально-экономических структур закономерным явлением становится радикализация настроений пленным, вылившаяся в падение трудовой дисциплины, увеличение числа побегов, требования свободы собраний, профессиональных и религиозно-просветительских союзов и пр. В январе 1917 г. заведующий Усть-Сылвицкого (Коноваловского) завода в рапорте на имя горного начальника Гороблагодатского округа писал: «Военнопленные — это самый большой и трудный вопрос Усть-Сылвицкого завода. При посещении барачков бросаются в глаза признаки какой-то военной организации: имеются коменданты барачков и коменданты партий, раздается команда “встать”, но это только показная сторона. При выходе на работу военнопленные теряют связь со своими комендантами и превращаются в беспоря-

дочную толпу — избалованную и своевольную. К этому присоединяется полное недоверие пленных к администрации, укоренившееся благодаря нарушению даваемых обещаний...» (24).

Таким образом, военнопленные, вовлечение которых в хозяйственную жизнь края должно было иммунизировать местные социально-экономические институты от тенденций дестабилизации, постепенно превратились в фактор, способствовавший деградации материальной и социальной жизни российской провинции. В этой связи участие пленных в беспрецедентных турбуленциях российского социума 1917–1920-х гг. оказалось неизбежным.

1. См. об этом, напр.: Валхар Ф., Форст Л. Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936; Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей: Сб. статей. М., 1980; Гирченко Вл. П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеуединск, 1933; Данилов В.А. Великий Октябрь и иностранные военнопленные на Урале и в Сибири // Ученые зап. Сverdл. и Тюмен. пед. ин-тов. Сб. 151: Историч. Вып. 3(8). Свердловск, 1970; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967; Клеванский А.Х. Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965; Колмогоров Н.С. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970; Комарова Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989; Кривогуз И.М. Германские военнопленные-интернационалисты в России в 1917–1920 гг. // Ноябрьская революция в Германии. М., 1960; Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917. М., 1965; Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2; Хильченко М. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции // Осуществление принципов пролетарского интернационализма в процессе социалистической революции. Свердловск, 1974; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России. 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3; и др.

2. Полторак С.Н. «Красная» и «Белая» Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны // Новый часовой. СПб., 1996. № 4; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; Субаев Н.А. Мусульманские общественные организации в России и турецкие военнопленные 1915–1918 годы // Языки, духовная культура и история тюрок: история и современность. Тр. Междунар. конф. В 3-х т. Т. 1; Целищев О.А. Немецкие пленные Первой мировой войны в Башкирии после Октябрьской революции (1918–1922 гг.) // Немцы на Урале и в Сибири. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001; и др.

3. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вглядываясь в прошлое. Дальневосточное общество в 1917–1940-е гг. XX в. Сб. науч. ст. Владивосток, 2002; Гордеев О.Ф. Ис-

пользование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права // Красноярский край: история в документах: Тез. док. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2004; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997; Иванов Ю.А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Машкова Н.Н. Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1916 году // Вестн. ОГПУ. Гуманитарные науки. 2001. № 5(26); Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2007. № 1; Рукосуев А.Е., Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на предприятиях Богословского горного округа: условия труда и содержания // Вооруженные конфликты на рубеже XIX–XX вв. Материалы межрегиональной науч. конф. Екатеринбург, 2004; Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в экономике Среднего Урала в 1914–1917 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005; Она же. Организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг.: поиски и решения // Проблемы российской истории. Вып. VI. М.–Магнитогорск, 2006; Шкаревский Д. О привлечении немецких военнопленных в сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. Тюмень, 2005; и др.

4. Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 88.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп.20. Д.3174. Л.6, 12 об., 20, 22, 29, 43 об., 44, 55, 57.
6. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 445 об.; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/г. С. 31.
7. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 103–113 об.
8. Уральская жизнь. 1916. 24 мая.
9. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 446.
10. Подсчитано автором по: Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
11. ГАСО. Ф.50. Оп.2. Д.3184. Л.322–324.
12. Пермские Губернские Ведомости. 1915. 27, 28 июля.
13. ГАСО. Ф.24. Оп.26. Д.43. Л.32–33. Оп.14. Д.964. Л.183.
14. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013. 1915. № 1–2. С.71.
15. Уральская жизнь. 1915. 20 февр.
16. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 1–2. С. 8, 643.
17. Уральская жизнь. 1915. 31 янв., 7 февр., 5 апр.; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1915. № 3–4. С.120; 136, 659–661.
18. ГАСО. Ф.45. Оп.1. Д.275. Л.14–17.
19. Там же. Ф.24. Оп.26. Д.43. Л.32–33. Ф.45. Оп.1. Д.1041. Л.1–2.
20. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.146. Оп.1. Д.95. Л.265–265 об., 267–267 об. Один фунт — 409,5 грамма, золотник — 4,266 грамма.
21. Там же. Д.83. Л.153–153 об.
22. Пермские Губернские Ведомости. 1916. 28 июля.